

УДК 796.01:612

DOI 10.25688/2076-9091.2020.40.4.8

И. М. Быховская

Физическая культура как культура тела: антропологический контрапункт природного и социального

В статье рассматривается соотношение понятий «физическая культура» и «культура тела»; выявляются особенности взаимодействия естественного, природного тела человека с социальными и культурными воздействиями на него, что обуславливает возникновение так называемых социального тела и культурного тела. Выделены критерии для различения этих модусов существования человека телесного, представлен анализ отдельных современных телесных практик, а также проблем, возникающих в результате возрастающих возможностей воздействия на физическую / телесную природу человека.

Ключевые слова: физическая культура; культура тела; телесные практики; трансформации тела; антропологический дискурс.

Проблема встречи природного и социального, природы и культуры относится к числу сквозных, многовековых тем научного познания. Выделение мира социального из мира биологического с последующим развитием многообразных форм, сменяющих друг друга этапов процесса их взаимодействия устойчиво является предметом исследований во всех сегментах научного познания: естественно-научном, социально-гуманитарном, информационно-техническом. Версии такого рода встречи, как показано многочисленными исследованиями в каждом из этих научных блоков, образуют впечатляющий спектр: от взаимополагания до жесткого противостояния с вариантами взаимопроникновения, имбрикации и т. д.

В статье рассмотрены сложившиеся на современном этапе методологии и подходы в рамках социально-культурного анализа человеческого тела, возможности использования его результатов для более широкого понимания физической культуры, а также для расширения концептуальной и методической платформы физического воспитания новых поколений.

Среди множества проблемных зон, разрабатываемых в континууме изучения взаимодействия природного и социального, мы выделим для рассмотрения одно из исследовательских полей, а именно то, которое включает анализ антропологической компоненты этого взаимодействия, объективированной в важнейшей универсалии человеческого бытия — в его телесной ипостаси. Феномен человека телесного (*homo somaticus*) как перекрестка природы

и культуры все более заинтересованно обсуждается именно в научно-дисциплинарном пограничье, что объективно продуцируется признанием тела человека как явления, подлежащего изучению как науками естественно-научного блока, так и социально-гуманитарными науками. И если первый из названных подходов является традиционным и насчитывает в своем развитии не одно столетие, то социально-культурное видение человеческого тела, существенно прирастая в научном дискурсе двух-трех последних десятилетий числом концептуальных интерпретаций и эмпирических штудий, не заняло все же пока того места, которое было бы релевантно значимости социально-гуманитарной составляющей в изучении человека телесного, особенностей его бытия в контексте активно трансформирующегося мира — технологического, информационного, социального, культурного. Существование определенной маргинальности указанной тематики в сегменте социальных и гуманитарных наук, на которую не раз обращали внимание отечественные авторы [2, 9], впрочем, не вполне преодолено и в соответствующих исследовательских рубриках зарубежного человекознания [13, 15, 18], где социально-телесная проблематика имеет существенно более богатую историю развития.

Эта небольшая прелюдия имеет непосредственное отношение к феномену, являющемуся предметом рассмотрения в рамках данной статьи, а именно к феномену физической культуры. Уже само наименование данного явления носит, можно сказать, кентаврический характер, фиксируя интегрированность физического и культурного, акцентируя сопряженность этих двух начал человеческого существования в контексте физической культуры. Необходимо, однако, учитывая сложившуюся амбивалентность, многозначность понятия «физическая культура», сделать значимое — для последующей работы с ним — уточнение.

Очевидно, что одним из самых распространенных и традиционных толкований данного понятия является то, что связано с учебной дисциплиной «физическая культура», с педагогическим контекстом его использования для решения задач физического воспитания. Будучи социально значимой формой образовательной практики, составной частью процесса формирования гармонично развитой личности, физическая культура / физическое воспитание проблематизируется и рассматривается соответствующими специалистами с позиций, актуальных, прежде всего, для совершенствования, достижения максимальной эффективности именно педагогического процесса [7, 10]. В то же время очевидно, что, как и всякий иной сегмент социального мира, физическая культура является объектом, релевантным для изучения не только в дискурсе педагогики, но и в смежных дискурсах любой дисциплины социально-гуманитарного профиля — экономики, социологии, политологии, антропологии и т. д. Использование соответствующей исследовательской оптики позволяет сформировать из объекта «предмет», задавая вектор анализа, экстрагируя из многопрофильной реальности те аспекты, компоненты, подсистемы, которые значимы для той или иной конкретной дисциплины, посильны для постижения с помощью ее инструментария.

С учетом обозначенной выше проблемы, исследовательский вектор, определяющий направленность рассмотрения физической культуры в данной статье, проложен в соответствии с ориентирами, задаваемыми культур-антропологической (в отечественной интерпретации — культурологической) призмой. Отмеченное выше кентаврическое звучание самого словосочетания «физическая культура», вмещающего в себя одновременно природное (физическое) и социально-человеческое (культура), собственно и выводит нас на исследовательскую траекторию, ведущую к тому феномену человеческого бытия, где объективация такого рода сопряжения (а не просто совмещения) представлена явно и ярко, — к телу человека. Именно эта телесная проблематика, обретающая все большую многопрофильность и возрастающую притягательность в современном исследовательском дискурсе, представляется одной из ключевых для осмысления феномена физической культуры в культурно-антропологическом измерении.

Интерпретация физической культуры как культуры тела не является устойчивой и общепризнанной, но в то же время этот подход на протяжении ряда лет разрабатывается и находит отражение в публикациях отечественных и зарубежных исследователей физической культуры в социально-философском, социологическом, культурологическом контекстах [2, 3, 9, 16, 19].

Концептуализация подхода к физической культуре как культуре тела представляется вполне релевантным инструментом как для задачи выявления особенностей антропологического контекста взаимодействия природного и культурного на современном этапе, так и для более глубокого осмысления собственно феномена *homo somaticus* в условиях изменяющегося социума, включая множественные социокультурные практики, формирующие, поддерживающие и трансформирующие человеческую телесность. Одним из базисных оснований рассматриваемого подхода является признание триединства, трехипостасности, бытия человеческого тела, в котором интегрируются тело природное (физическое), тело социальное (трансформированное пространством общественного бытия человека) и тело культурное (преобразованное на основе выбора человеком аксиологической / символично-нормативной ориентационной системы). Признание такого рода единства в многообразии задает и соответствующие методологические контуры для построения актуальных исследовательских маршрутов в отношении *homo somaticus*. Расходящиеся тремя относительно самостоятельными лучами, направленными на сбор, анализ, обобщение данных в каждом из обозначенных профилей, эти маршруты изначально предполагают необходимость и неизбежность возвратного сопряжения, что и позволяет выстраивать неоднородную конструкцию человека телесного. Учитывая профессиональную принадлежность автора статьи, природное тело (биологически заданные параметры и особенности развития организма), естественно, не может быть правомерным предметом для последующего рассмотрения, и дальнейшее обсуждение обозначенной

проблемы затрагивает две из вышеназванных ипостасей — тело социальное и тело культурное.

Очевидно, что описанная эвристическая модель может использоваться как в контексте историко-культурного антропологического анализа, так и применительно к самым современным социокультурным процессам. Естественно, что содержательное наполнение и социального, и культурного, в зависимости от выбранного этапа, существенно, а нередко и просто радикально, различается. Оставляя в стороне ретроспективное измерение данной проблемы, отметим все же, что оно, как известно, весьма масштабно и многосторонне представлено в исследованиях, направленных на изучение процесса антропогенеза, в котором сопряженность природного и социального в человеке является ключевой позицией (что, естественно, обеспечивается сопряженностью действий представителей, соответствующих естественных и социальных наук). Присутствующие здесь как социально-цивилизационный, так и культурно-исторический аспекты изучения телесного фактора бытия человека получают свое развитие и в исследованиях, далеко выходящих за пределы вопросов антропогенеза [1]. Так, например, будучи встроенной в анализ культуры отдельных эпох, проблематика человека телесного (прежде всего, в связи с аксиологическими доминантами и телесными практиками) становилась предметом рассмотрения в работах, посвященных Античности (С. С. Аверинцев, М. Гаспаров, Г. Кнабе и др.); антропологической составляющей эпохи Средневековья (М. М. Бахтин, А. Я. Гуревич, Ж. Ле Гофф и др.) и других ступеней историко-культурного процесса. Значимость этого соматического компонента для полномасштабного понимания любого социокультурного пространства стала все более явно признаваться учеными-гуманитариями в связи с акцентированием их внимания на изучение повседневности (школа «Анналов» во Франции, Бирмингемская школа культурных исследований, М. Фуко, М. Мосс, П. Бурдьё и др.), а также с формированием относительно самостоятельного научного направления «История тела» [5 и др.]. В то же время расширение разработки телесной проблематики в общегуманитарном поле стимулировало повышение внимания к такого рода анализу и среди специалистов в области собственно физической культуры, физического воспитания, спорта и других практик, непосредственно связанных с телом человека. Так, например, учебная дисциплина «История тела» присутствует в учебных планах институтов (факультетов) физического воспитания и спорта во Франции, Германии, Австрии и других стран. В Институте естествознания и спортивных технологий МГПУ в учебный план магистерской подготовки по программе «Новые медиа в сфере спорта» (направление «Реклама и связи с общественностью») включена дисциплина «Тело человека как социокультурный феномен», которая, наряду с историко-культурными аспектами проблемы, включает большой тематический блок вопросов, отражающих сегодняшние процессы взаимодействия природного тела человека со значимыми (в рассматриваемом аспекте) социальными факторами

и культурными детерминантами, обуславливающими модификации бытия человека телесного в современном мире. Именно эти актуальные сегодня особенности взаимодействия природного с социальным и культурным в антропологическом дискурсе станут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Методологическое разделение социального и культурного при обсуждении их влияния на телесное начало в условиях современного бытия человека носит в некоторой мере условный характер — обе эти воздействующие силы растворены в пространстве социума. Более того, сама интерпретация понятий «социальное» и «культурное» в разных научных традициях, нашедшая отражение в публикациях их адептов, имеет далеко не тождественное содержательное и смысловое наполнение. Оба эти обстоятельства диктуют необходимость хотя бы в самом общем виде уточнить наше понимание этих срезов социума: во-первых, как значимых для дальнейшей канвы анализа; во-вторых, что особенно существенно, для более точного и глубокого понимания феномена физической / телесной культуры во всем его масштабе и формах объективации.

Демаркаторами между социальным и культурным (применительно к рассматриваемому явлению) в самом общем виде могут служить следующие характеристики: источник регуляции, влияния (внешний, объективный по отношению к человеку vs внутренний, субъективный); степень опциальности (обязательность vs разрешенность выбора); функциональная ориентированность (адаптация vs конструктивно-творческий подход); смысловая нагрузка (доминанта социальной одобряемости vs высокая личностная значимость). Повторю, что разграничение по названным параметрам носит в большей мере условный характер, однако как эвристический инструмент, данная схематизация позволяет структурировать множество форм, видов, механизмов воздействия на человека телесного, подвергающегося сегодня влияниям самого широкого спектра — от политико-идеологического до эстетико-технологического. Опираясь на предложенную методологию, рассмотрим несколько более детально обе ипостаси телесного бытия человека в его соотнесенности с социальным и культурным контекстами.

Встреча социального и природного в человеке, результирующая в формировании социального тела (в предложенном выше понимании), связана с влиянием на человека самых разных факторов, проистекающих из конкретного уровня развития социума, включая его технологический прогресс (в том числе и с точки зрения технологий, позволяющих защищаться от этого самого прогресса), экологическую ситуацию, состояние во всех областях социальных практик, в большей или меньшей мере обуславливающих характер воздействия на человеческое тело (прежде всего, медицине). С точки зрения социального анализа, важнейшими векторами современного анализа этой проблематики можно назвать вопросы биополитики и социальных аспектов использования биотехнологий. Оба эти предмета научного анализа достаточно полно описаны в соответствующих публикациях, поэтому мы ограничимся здесь лишь

их краткой общей характеристикой, что необходимо для того, чтобы не нарушать общую логику анализа, обозначенную выше.

Проблемы, попадающие в исследовательский блок под названием «биополитика», не являются гомогенными и с содержательной точки зрения, и в их смысловом выражении. В самом общем виде их спектр так или иначе включает вопросы внешнего, социально-детерминированного, обязательно-предписывающего управления телом человека. Традиционной точкой отсчета в этой области исследований являются труды (а изначально лекции) Мишеля Фуко (хотя сам термин возник до него), который в 1970-е годы заострил вопрос на том, что не только сознание и поведение индивидов подвергаются дисциплинированию со стороны властных структур любого общества, но и тело человека, и прежде всего в форме контроля в отношении различных телесных практик — репродуктивных, гигиенических, сексуальных и др. [11]. Нельзя попутно не отметить, что актуализация этой проблемы сегодня стала видна просто «из окна» — в условиях пандемии действия власти стали важным фактором некоторых телесных практик человека — гигиенических, профилактических, коммуникативных и др. Феномен биополитики, «био-власти», о которой пишет М. Фуко, являет собою красноречивую картину сопряжения физического (телесного) в человеке и регламентации связанных с этим началом практик в условиях той или иной социальной организации жизни, зависящей от конкретных этапов развития социума. Не погружаясь в особенности разбежавшихся с тех пор линий развития вопросов биополитики и тесно сопряженных с ней дериватов, отметим, что наряду с рефлексией вектора движения от идеологии власти и соответствующих ей политических действий, направленных на телесное в человеческом бытии, в процессе расширения пространства биополитических исследований сформировался и такой, например, контрвектор, как влияние биологически данного (включая генетику, особенности телесной морфологии и др.) на политику в самом широком ее значении (см., например, [23]). В поле биополитических разработок входят также проблемы, сочетающие в себе принципы правильного питания и политических ценностей: развитие биорегионализма (декларирование значимости и полезности потребления только местных продуктов и т. п.); «эквиаблизма» (разновидность веганства, ориентирующая не просто на отказ от потребления всего, имеющего животное происхождение, но и на доказанность создания продуктов без эксплуатации детского труда, которая нередко присутствует в странах третьего мира) и др.

В сферу биополитики в широком смысле этого понятия входит также и социальное регулирование сферы, связанной с созданием и применением биотехнологий, — все более востребованной и все более диверсифицированной актуальной практики в современном обществе. По образному выражению одного из отечественных специалистов в области философско-социального анализа этих практик, Б. Г. Юдина, эти технологии все больше «обволакивают

человека»; они становятся инструментами, претендующими на радикальное улучшение жизни, внедряясь в самые ее, жизни, глубины, превращаясь шаг за шагом не только в его биотехнологического помощника, но и в социально-го, по своей сути, партнера. Как отмечает О. В. Попова, создаваемые проекты биотехнологического улучшения человека (human bioenhancement) рожают ситуацию, когда «человеческая телесность превращается в социальную и биотехнологическую конструкцию... / возникающая / опасность для человеческого потенциала актуализирует необходимость экспликации антропологических рисков и ставит задачу исследования философско-этических проблем, вызванных развитием биотехнологий, в целом, и практиками биотехнологического конструирования, в частности» [8, с. 5].

Важной социально-научной реакцией на такого рода потребность, ответом на данный вызов, стало развитие биоэтики как социокультурного регулятора. Сутью этого научно-прикладного направления является разработка и имплементация в практику принципов, выражающих необходимость использования «стоп-сигналов» (даже когда технологии позволяют двигаться дальше и глубже) при создании в современной цивилизации по сути нового артефакта — тела как биотехнологического конструкта. Как справедливо указывает в уже названном исследовании О. В. Поповой, в большом разнообразии социальных практик, направленных на совершенствование, преобразование, конструирование тела человека, сталкиваются, по сути, две принципиальные мировоззренческие и методологические установки — с одной стороны, компенсаторная (терапевтическая) и, с другой, перфекционистская (достижение максимального совершенства). Отметим, что выбор, приемлемость, правомерность той или другой ценностной установки, которые встроены в аксиологическое пространство современного социума, — это операции, непосредственно связанные уже не только с социальным (цивилизационно-технологическим) пространством, сколько с пространством культурным (определяющим, исходя из нашей концепции, формирование культурного тела). В это пространство мы и перейдем далее. Но прежде отметим все же в качестве небольшого промежуточного резюме, что даже столь краткий и далеко не полный перечень каналов социального, социально-политического, социально-технологического воздействий на тело человека и его телесные практики свидетельствует о многоликости содержания и смыслов, которые скрываются за понятием «социальное тело». Очевидно, что многомерность и сложность организации социальной жизни в конкретное время и в конкретном месте, как фактор воздействия, так и неоднородность, многослойность телесного бытия человека, ведут к объективно возникающей сложности конструкций на линиях пересечения физического / биологического, с одной стороны, и социального (в полифонии его составляющих) — с другой.

Рассмотрение феномена культурного тела и культуры тела как относительно самостоятельного сегмента культуры необходимо предварить небольшим,

но существенным, терминологическим уточнением, связанным с необычайно многозначным понятием «культура». Нередко в публикациях можно встретить утверждение, что это понятие имеет самое большое число толкований, но, не проверяя это эмпирически, можно смело утверждать, что в различных научно-дисциплинарных контекстах оно имеет далеко не всегда совпадающие интерпретации, не говоря уже о его повседневном, обыденном употреблении. Поэтому в каждой конкретной исследовательской ситуации необходимо изначально хотя бы в самом общем виде уточнить объем и содержание понятия «культура». Заметим, что если столь же амбивалентное понятие «физическая культура» в рамках предлагаемого нами конструкта предполагает расширение своего объема, то понятие «культура», в рамках решаемой задачи — сужение, и прежде всего через «отстраивание» от массово-повседневного его понимания. В отличие от словаря повседневности, в научно-концептуальном контексте культура рассматривается не просто как оценочная характеристика (культурный = достойный, воспитанный, «высокий», качественный и пр.), а, прежде всего, как регулятивная система, включающая нормативно-ценностную, направляющую компоненту в отношении любого вида социальной практики, и систему экспонирования (внешнего проявления принятых аксиологических и смысловых оснований) через свойственный той или иной культуре знаково-символический «диалект».

Культура в таком толковании выступает как своего рода навигационная система, которая, независимо от того, имеет ли она очевидный, декларируемый характер или же упрятана и отличается латентностью, выступает как механизм, определяющий смыслы, направленность, приоритеты в той или иной области деятельности — в политике, образовании, спорте, искусстве и т. д. Эта методологическая схема выявления культурных оснований и регуляторов социальных практик, как и кодирования / декодирования языка культуры, используемого для манифестации производимого этой практикой результата, в полной мере применима ко всему многообразию телесных практик, включая физическое воспитание. Как показывает сравнительно-культурный анализ некоторых видов этих практик (и в историко-ретроспективном контексте, и в контексте, например, сопоставления различных этнокультур), выявление и соотнесение названных атрибутов — аксиолого-детерминирующей «подкладки» и знаково-символического языка репрезентации — не только позволяет увидеть особенности нормативных ориентаций и смысловых подходов в «работе с телом» в разных культурных пространствах, но и с большей глубиной вести расшифровку культурных кодов, нередко в прямом смысле во-телесенных в результатах этих социальных практик [2, 3, 19, 20].

Акцентируя внимание на двух ключевых параметрах, значимых для социокультурного анализа практик, направленных на поддержание, совершенствование, модификации тела человека, из поля зрения не могут, конечно, быть удалены и еще 2 компонента, которые являются более традиционными

при разработке вопросов, касающихся, например, системы физического воспитания. Это компонент знаниевый (когнитивный) и компонент поведенческий (бихевиоральный), который, как известно по многочисленным исследованиям, нередко существенно отличается от декларативно-ценностного: признание (например, при интервьюировании) большого значения и высокой ценности физической культуры далеко не всегда сопровождается поведенческими формами, обеспечивающими реализацию этой ценности.

Таким образом, телесная (физическая) культура как сегмент культурного пространства (индивидуально-личностного, группового / субкультурного, общественно-социетального) подразумевает сопряженность четырех компонентов — когнитивного, аксиологического, знаково-символического и праксеологического, которые в совокупности выражают: а) уровень развития знаний о теле человека; б) отношение к нему как к ценности, как к значимому элементу общекультурного поля, соизмеримому в ценностном аспекте с другими культурными сегментами; в) представления о желаемых / допустимых практиках «работы с телом» в соответствии с идеалами, ценностными ориентациями, нормами и ограничениями в этой области; г) сформированные навыки телесных практик, которые опредмечиваются на поведенческом уровне в формах, релевантных позициям (а), (б) и (в), и обеспечивают в итоге искомое «во-телеснивание» (звучит не очень удачно, но в англоязычном варианте вполне удачный эквивалент — *embodiment* — широко представлен в научной литературе).

Такого рода структурирование физической (телесной) культуры позволяет, как уже отмечалось, более детально и фундированно проводить сопоставление разных систем и видов телесно ориентированных практик; в каждом конкретном исследовании выявлять место, специфику, базовые характеристики культуры телесности как элемента более общего культурного / субкультурного пространства — гендерного, этнического, поколенческого, профессионального, социально-территориального, конфессионального и др. Важен, на наш взгляд, не только методолого-аналитический, но и проектно-эвристический потенциал данного подхода, позволяющий поэлементно встраивать соответствующие компоненты в те социальные практики, посредством которых обеспечивается формирование и поддержка телесной (физической) культуры в масштабах общества / группы / личности: в практики образования, досуговых активностей, инкультурационно-воспитательных видов деятельности и др.

Отметим еще раз, что для рассмотрения и формирования этих процессов как компонентов культурного пространства, одним из ключевых параметров является наличие выбора, который обеспечивается: существованием реального предложения, а не однозначного предписания; способностью сделать благоизбрание, опираясь на соответствующий информационно-знаниевый запас и собственные ценностные ориентиры (прежде всего, эстетические и этические). Данные компоненты культурного выбора в отношении

телесных практик подразумевают понимание еще одного важного обстоятельства: культура как система норм и ценностей — это не столько разрешительная, сколько ограничительная система. Применительно к рассматриваемой области, это уточнение имеет базисный характер, поскольку данные практики (будь то физическое воспитание или пластическая хирургия) находятся как раз в зоне встречи естественного, природного в человеке (того самого природного тела) с его творческо-конструктивистской деятельностью, направленной на те или иные изменения этой субстанции. Очевидно, что если в основу этих практик кладется технократический (т. е. цивилизационный, внекультурный) принцип «могу — значит сделаю», то возникает потенциальная (а иногда, как известно, увы, и реализуемая) угроза нарушения границы допустимого в этих преобразованиях антропоприродного начала. Применение культурного мерил — это и есть, прежде всего, введение тех ограничений и стоп-механизмов, которые должны предотвращать нанесение вреда, деформаций, травм и пр. Понятно, что в отношении разных телесных практик это мерило имеет разные формы конкретизации, начиная от детализированного применения общих принципов биоэтики до формирования оптимальных программ физического воспитания школьников (см., например, [7]).

Переходя от общеметодологического анализа к рассмотрению некоторых актуальных позиций, отражающих особенности осмысления феномена телесной культуры на современном этапе, нельзя не акцентировать внимание на тех триггерах, которые, будучи имманентными характеристиками сегодняшних социально-культурных трансформаций, весьма заметно повысили интерес к этой проблематике (а следовательно, и ее социально-культурную значимость) в самых разных сферах: в научных штудиях (еще раз уточним, что речь о социально-гуманитарных дисциплинах), в художественном творчестве, в досуговых практиках. Все более существенное влияние на повышение привлекательности рассматриваемой тематики в силу масштабности и растущего уровня диверсифицированности оказывают информационно-коммуникативные технологии [4, 6], включая не только традиционный вид репрезентации соответствующих проблем в виде публикаций, но и развитие разного рода виртуальных сообществ, фандомов, форумов и пр., ориентированных на распространение, обмен, обсуждение информации, связанной с разными формами телесных практик — от вопросов здоровья до особенностей туризма. К числу катализаторов очевидного повышения заинтересованности следует отнести, прежде всего, большой спектр факторов обеспокоенности (технологические влияния на человека телесного, рост гиподинамии и иные негативные производные от благ и достижений техногенной цивилизации; масштабирование экологических проблем, в разных формах проецирующихся на физические / телесные особенности бытия и т. п.). Будучи преимущественно внешними для человека, эти факторы, сами по себе, работают скорее в направлении, обозначенном выше как трансформация социального тела человека.

В то же время осмысление значимости возникающих проблем (а следовательно, и ценности собственного тела), рост мотивации к действию по противодействию негативным влияниям на свою «физику», т. е. перевод проблемы в аксиологическое личностное поле, ведет к возникновению субъектного запроса на знания / технологии / отслеживание результатов работы с собственным телом, т. е. к формированию важнейших компонентов культуры тела.

Еще одна группа факторов, актуализирующих рост внимания к физической (телесной) культуре в современном обществе, связана с определенными изменениями уже не на его технологической, а на аксиологической шкале. К числу того, что продуцируют реальный интерес к телесным практикам во всем их многообразии, следует отнести все большую роль «символического капитала» (тело, внешность, как уже отмечалось, — важные его элементы), в том числе как инструмента достижения успешности в условиях конкурентного по своей сути социума; стремление к использованию всех форм для самовыражения, а собственное тело может быть — и нередко становится — весьма ярким результатом этих интенций, и оно к тому же еще и «неотчуждаемый» продукт, в отличие от иных форм творчества. Большое значение с точки зрения аксиологических подвижек в обществе играют и такие процессы, как все более ярко выраженная визуализация; как «повышение градуса» театрализации в самых разных сферах социальной жизни (от политики до спорта), что предполагает наличие у действующих лиц («актеров») соответствующей формы (в прямом значении понятия «фитнес» как «подходящести», «соответствия»).

В современной системе ценностей, стимулирующей субъектную заинтересованность в работе с собственным телом, т. е. актуализацию телесной культуры, нельзя не отметить также, например, востребованность экстремальных форм досуга (как противоядия от «плоской повседневности» цивилизации) и рост многообразия досугового пространства в целом; интерес к процессам культурной идентификации, в рамках которых телесные практики также занимают не последнее место (например, расширение использования традиционных подвижных игр, развитие этноспорта и т. п.). Конечно, это далеко не исчерпывающий перечень аксиологических детерминант повышения статуса телесной (физической) культуры и в современном обществе в целом, и на уровне отдельного индивида в частности. Если же к этому добавить особенности проявления рассматриваемой тенденции применительно к отдельным субкультурам (например, в феминизме, натурализме и т. д.), то «соматическая компонента» современной жизни предстанет как обладающая в ней весьма высоким удельным весом.

Авторы масштабного исследования «Спорт, физическая культура и движущееся тело: материализм, технологии, экология» [21], обращаясь к очень широкому спектру вопросов существования человека телесного в современном мире, делают одним из ключевых субъектов своего анализа движущееся тело, подчеркивая его заметную роль в самых разных областях жизни.

«Движущееся тело, которое постоянно занято то фитнесом, то включается в режим интенсивных тренировок и соблюдения диет, то обращается к рекреационным практикам, не говоря уже о спортивных мега-событиях, выполняет жизненно важную функцию в современном обществе. Если тело движется, когда оно выполняет действия, — потеет, бежит и прыгает — оно приводит в движение застоявшуюся сеть научных исследований, влияет на организацию всего пространства, на корпоративные императивы и самые разные политики идентичности (связанные с гендером, расой, социальными классами и т. д.). Оно выражает жизнеспособность (*vitality*) в ее продуктивных и физиологических характеристиках, движет сложную экономическую систему, выступает как значимая часть культурных идентичностей и различных политических практик» [Там же]. Авторы этого солидного (25 авторов), обобщающего труда о физической культуре, отмечают, что, констатируя расширение области исследований, предметом изучения в которых является движущееся тело в спорте, нельзя оставлять в стороне многие другие области социального пространства, в которых этот актер также играет весьма заметную роль. Проблематизируя тело человека как предмет изучения и тем самым расширяя пространство релевантных этой области исследований, авторы предлагают более пристальное внимание уделять социальным и культурным аспектам кинезиологии, различных систем физических упражнений, биотехнологий; вопросу о возможностях (не всегда открыто декларируемым) «извлекать выгоду из биологической жизнеспособности» в социально-политических, коммерческих и иных целях, лежащих далеко от собственно мира телесного и все ярче проявляющихся в эпоху нестабильности (*precarity*).

Существенное расширение спектра того, что попадает сегодня в тематическую рубрику актуальных исследований проблем тела, телесной / физической культуры, делает эту область — как зону стыка (увы, не всегда «золотого») физического и социально-культурного — по сути, проекцией всех актуальных вопросов современного мира, но с их соответствующей акцентировкой и профилированием. Это становится очевидным, если обратиться к содержанию специализированных журналов (например, *Body & Society*), к фолиантам, включающим материалы, отражающие современный уровень разработки социокультурных аспектов телесной проблематики [12, 13, 15, 21, 22]. Такие проблемы, как здоровье и болезнь, самовыражение и перформативность, старение и практики «маскировки возраста» (*masks of aging*), множественная идентичность и проницаемость аксиологических границ, потребительские практики и гедонизм, техноантропология и киборги, гендер(-ы) и сексуальная культура, дигитализация и виртуализация... — все эти остроактуальные вопросы в большей или меньшей мере тесно сопряжены с вопросами тела как точки пересечения физического и культурного (отмечу, что в меньшей мере — лишь в силу не до конца осознаваемой еще важности телесного аспекта проблемы).

Особое место среди исследований телесного в современной жизни занимает изучение тела как инструмента невербального общения, того, что в научно-популярной (и реально очень популярной!) литературе обозначается как «язык тела». Оставляя за рамками данной статьи эту привлекательную тему, согласимся все же с авторами одной из недавних публикаций в журнале *European Journal for Sport and Society* в том, что расширение научных интегративных исследований данного коммуникативного инструмента в таких «зацикленных на вопросы тела областях, как спорт и физическая активность» совершенно очевидно и крайне актуально [14]. Один из акцентов, который сделан в данной публикации, — привлечение внимания к тому, что масштабное использование опросных методик при изучении тех или иных проблем в названных областях включает сбор и анализ исключительно вербализованной информации, получаемой от респондентов, в то время как, например, в рамках качественных интервью исследователь должен бы был еще и пристально отслеживать и фиксировать то, что сообщается (чаще всего произвольно) респондентом невербально (жесты, мимика, телодвижения в корреляции с определенной словесной информацией). Собственно, эта главная идея сформулирована уже в самом названии статьи — «Качественные интервью в исследованиях спорта и физической активности — не забывайте про тело» [24]. В контексте изложенной выше концепции широкого понимания физической культуры как культуры телесности все эти, как и не названные здесь, исследовательские векторы, представляются весьма значимыми для ее дальнейшей концептуализации и использования получаемого знания в проектно-прикладном сегменте наук о физической культуре.

Среди тех аспектов, которые не утрачивали своего значения и раньше, но сегодня обретают особое звучание в контексте обсуждения различных телесных практик, следует назвать проблему формирования и рефлексии «телесного Я» (self-body). Понимание значимости этого феномена является одним из важных условий для продуктивности процесса формирования культуры тела. Предметное поле, связанное с особенностями возникновения и функционирования «Я-тела», находится, как известно, преимущественно в области психологии / социальной психологии / психологии телесности, однако и для социально-культурного анализа этот концепт является немаловажным. Со времен, когда П. Шильдер в своей, ставшей классической, работе «*The Image and Appearance of the Human Body*» (1935) выделил телесный имидж как самостоятельную интегративную проблему, требующую био-психосоциального подхода, этот феномен получил статус важного предмета изучения во многих науках, выйдя далеко за рамки своего «родового гнезда» психоанализа.

В упомянутых выше обстоятельствах современных трансформаций социума, обращение к «телесному имиджу», «Я-телу» не только не потеряло свою научную актуальность, но и постоянно подкрепляется серьезным корпусом научных публикаций. В качестве одной из масштабных и хорошо

структурированных назовем работу Т. Кэша и Л. Смолак «Телесный имидж» [12], выдержавшую уже не одно издание и представляющую собою детальный анализ проблемы в различных концептуально-методологических традициях (эволюционизм, когнитивно-бихевиоральный подход, феминистская методология и др.); через соотнесение с особенностями различных групп населения: возрастных и гендерных (телесный имидж у девочек-подростков и мальчиков-тинейджеров, у взрослых и т. д.), этнокультурных (афроамериканцы, представители восточных культур и др.) и т. д.; в контексте рассмотрения различных телесных практик как инструмента воздействия на изменение боди-имиджа в нужном направлении (психологические интервенции, медицинские практики и др.). Важное место в этом фундаментальном труде занимает раздел, посвященный социокультурному подходу к телесному имиджу, представленный М. Тиггеман, которая в своем анализе в значительной мере опирается на масштабное кросс-культурное исследование (International Body Project) с выборкой 4000 женщин и 3000 мужчин (по разновозрастным когортам) из 26 стран. Отмечая, что наиболее важными социокультурными каналами, через которые задаются ориентиры в отношении своего телесного «Я», являются родители, ровесники и медиа (перечислены по возрастающей степени влияния), автор считает, что значительный потенциал — пока, к сожалению, мало актуализируемый — имеет такой ресурс, как влияние учителей и тренеров [Там же, с. 16].

Соглашаясь с таким утверждением М. Тиггеман, продолжим его через акцентирование внимания к области образования как того направления деятельности, в котором данная проблема имеет существенное значение в контексте осмысления факторов, влияющих на самооценку, самоощущение, мотивированность к занятиям учащихся. Осознание того, насколько значима проблема самоосмысления (в том числе осознания себя телесного) для целевой аудитории образовательных практик — детей, подростков, молодежи, — это одно из необходимых условий для эффективной работы в области физического воспитания. Включение в программу подготовки специалистов в этой сфере большого блока тем, связанных с телесным «Я», с особенностями рефлексии этого образа, в том числе у представителей разных гендерных групп, стало обязательным в образовательных системах многих стран. Как отмечают, например, шведские специалисты, образовательные модели в указанной области, наряду с другими важными компонентами, должны содержать ответы на важные (и серьезные в этом возрасте!) запросы учащихся. Так, для мальчиков важно создать понимание, что в процессе физического воспитания происходит формирование «мужественности (маскулинности) через обладание функциональным, естественно атлетическим телом. Женственность же (фемининность) формируется через акцентирование внимания на особенности женского тела, через контрастирование с образом мужского атлетического тела» [17]. Представление о том, что, например, одним из наиболее значимых миров бытия девочек-подростков является, по образному выражению М. Тиггеман,

«культура внешности / внешнего вида» (“an appearance culture”), является, возможно, иногда очень полезным знанием (если, конечно, оно активировано) для педагога физического воспитания, хотя, вероятно, и не только для него. Предполагаю, что многие специалисты в рассматриваемой области вполне справедливо могут здесь заметить, что, скажем, внимание к изучению возрастной психологии, к анализу социально-культурных характеристик целевых групп, на которые направлен образовательно-воспитательный процесс, — это отнюдь не новация сегодняшнего дня. Однако иногда все же встает вопрос о том, насколько хорошо мы знакомы с исследованиями психологов, социологов, антропологов, в которых нашли отражение именно сегодняшние и, возможно, завтрашние образы и профили наших подопечных, тех, с кем реально предстоит общаться преподавателю, тренеру, наставнику в широком смысле слова...

Закljučая представленный анализ физической культуры как культуры телесности, как того феномена, в котором тесно переплетаются физическое, психическое, социальное, культурное, в совокупности воплотившиеся в человеческом теле (но используя при этом каждое свою, релевантную систему кодирования), вернемся вновь к утверждению, что телесная (т. е. физическая) культура — это явление огромного масштаба и многообразия, далеко выходящее за рамки традиционных узкопрофильных трактовок данного понятия. Доминирование последних как в общественном сознании, так и нередко — что особенно печально — в научно-образовательных сообществах неизбежно будет преодолеваться и самой реальностью (что было в некоторой степени показано выше), и логикой движения исследовательских процедур в данной области (что, хочется надеяться, также в определенной мере удалось показать в данной статье как одним из очередных шагов в искомом направлении).

Литература

1. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
2. Быховская И. М. Тело «физическое» – «социальное» – «культурное» в контексте анализа проблемы идентичности // Искусство и цивилизационная идентичность. М.: Наука, 2007. С. 188–209.
3. Быховская И. М., Люевич И. Ю. Аксиология телесности и здоровья: вертикали и горизонталь сравнительно-культурного анализа // Международный журнал исследований культуры (электронное издание). 2018. № 4. С. 208–223. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00076
4. Дзигуа Д. В. Медиастратегия спортивного вуза в условиях рыночной конкуренции // Мат-лы итог. научно-практ. конференции проф.-препод. состава РГУФКСМиТ. М.: РГУФКСМиТ, 2016. С. 51–55. URL: <http://lib.sportedu.ru/Books/PDF/258048.pdf> (дата обращения: 26.09.2020).
5. Корбен А., Куртин Ж.-Ж., Вигарелло Ж. История тела: в 3 т. М., 2012–2016.
6. Люевич И. Ю. Спортивный медиатекст как репрезентация современной культурной ситуации // Информационное пространство современного спорта:

социокультурные и лингвистические аспекты: материалы университетской научно-практической конференции. М.: РГУФКСМиТ, 2017. С. 112–121.

7. Матвеев А. П., Махов А. С., Карпов В. Ю., Корнев А. В. Содержание понятия «здоровьесберегающие технологии» в контексте современного школьного образования // Теория и практика физической культуры. 2016. № 9. С. 59–61.

8. Попова О. В. Биотехнологическое конструирование человека: Этико-философские проблемы: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2018. 52 с. URL: <https://iphras.ru/page13055159> (дата обращения: 07.10.2020).

9. Столяров В. И. Философия спорта и телесности человека. М.: Университетская книга, 2011. 763 с.

10. Физическая культура в XXI веке: концептуальные основы, инновационные методики и модели образовательных практик: колл. монография / под ред. А. Э. Страдзе, И. М. Быховской. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. 287 с.

11. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010.

12. Cash T. F., Smolak L. (eds.). *Body Image. Second Edition: A Handbook of Science, Practice, and Prevention Second Edition*. NY: Guilford Press, 2012.

13. Cregan K. *Key Concepts in Body and Society*. L.: SAGE, 2012. 213 p.

14. Denham M. A., Onwuegbuzie A. J. Beyond words: Using nonverbal communication data in research to enhance thick description and interpretation // *International Journal of Qualitative Methods*. 2013. № 12. P. 670–696. DOI: 10.1177/160940691301200137

15. Featherstone M. *Body, Image and Affect in Consumer Culture* // *Body&Society*. 2016. Vol. 16 (1). P. 193–221.

16. Giardina M. D., Donnelly M. K. (eds.). *Physical Culture, Ethnography, and the Body: Theory, method, and praxis*. London: Routledge, 2018. 248 p.

17. Grahn K. Youth athletes, Bodies and Gender: Gender constructions in textbooks used in coaching education programs in Sweden // *Sport Education and Society*. Aug 2014. URL: https://www.researchgate.net/journal/1470-1243_Sport_Education_and_Society (дата обращения: 30.09.2020).

18. Howson A. *The Body in Society: An Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2013. 252 p.

19. Krawczic Z. *Physical Culture from the Perspective of Values: A General and Selective Approach to Physical Culture* // *Intern. Review for Sociology of Sport*. 1988. V. 23 (2). P. 36–45.

20. Naul R. *Concepts of Physical Education in Europe* // *Physical Education: Deconstruction and Reconstruction*. Schornd, 2003. P. 35–52.

21. Newman J. I., Holly T., David A. (eds.) & 22 more. *Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2020.

22. Roberts D. *Modified People: Indicators of a Body Modification Subculture in a Post-Subculture World* // *Sociology*. 2014. Vol. 49 (6). P. 1096–1112.

23. Somit A., Peterson S. A. *Biology and Political Behavior: The Brain, Genes and Politics*. Cheltenham: Ed. Elgar Publ., 2017. 560 p.

24. Thiel A., John J., Frahsa A. *Qualitative Interviews in Sport and Physical Activity Research — do not forget the body* // *Europ. Journal for Sport and Society*. 2019. Vol. 16 (1). P. 1–4. DOI: 10.1080/16138171.2019.1616423

Literatura

1. Belik A. A. Kul'turnaya (social'naya) antropologiya. M.: RGGU, 2009. 613 s.
2. By'khovskaya I. M. Telo «fizicheskoe» – «social'noe» – «kul'turnoe» v kontekste analiza problemy` identichnosti // *Iskusstvo i civilizacionnaya identichnost`*. M.: Nauka, 2007. S. 188–209.
3. By'khovskaya I. M., Lyulevich I. Yu. Aksiologiya telesnosti i zdorov`ya: vertikal i gorizontali sravnitel'no-kul'turnogo analiza // *Mezhdunarodny`j zhurnal issledovaniy kul'tury` (e`lektronnoe izdanie)*. 2018. № 4. S. 208–223. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00076
4. Dzigua D. V. Mediastrategiya sportivnogo vuza v usloviyax ry`nochnoj konkurencii // *Mat-ly` itog. nauchno-prakt. konferencii prof.-prepod. sostava RGUFKSMiT*. M.: RGUFKSMiT, 2016. S. 51–55. URL: <http://lib.sportedu.ru/Books/PDF/258048.pdf> (data obrashheniya: 26.09.2020).
5. Korben A., Kurtin Zh.-Zh., Vigarello Zh. Istoriya tela: v 3 t. M., 2012–2016.
6. Lyulevich I. Yu. Sportivny`j mediatekst kak reprezentaciya sovremennoj kul'turnoj situacii // *Informacionnoe prostranstvo sovremennoogo sporta: sociokul'turny`e i lingvisticheskie aspekty`*: materialy` universitetskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: RGUFKSMiT, 2017. S. 112–121.
7. Matveev A. P., Maxov A. S., Karpov V. Yu., Kornev A. V. Soderzhanie ponyatiya «zdorov`esberegayushhie texnologii» v kontekste sovremennoogo shkol'nogo obrazovaniya // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury`*. 2016. № 9. S. 59–61.
8. Popova O. V. Biotexnologicheskoe konstruirovaniye cheloveka: E`tiko-filosofskie problemy`: dis. ... d-ra filos. nauk. M., 2018. 52 s. URL: <https://iphras.ru/page13055159> (data obrashheniya: 07.10.2020).
9. Stolyarov V. I. Filosofiya sporta i telesnosti cheloveka. M.: Universitetskaya kniga, 2011. 763 s.
10. Fizicheskaya kul'tura v XXI veke: konceptual'ny`e osnovy`, innovacionny`e metodiki i modeli obrazovatel'ny`x praktik: koll. monografiya / pod red. A. E`. Stradze, I. M. By`xovskoj. M., Berlin: Direkt-Media, 2019. 287 s.
11. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki: kurs lekcij, pročitanny`x v Kollezhe de Frans v 1978/1979 uchebnom godu / per. s fr. A. V. D`yakova. SPb.: Nauka, 2010.
12. Cash T. F., Smolak L. (eds.). *Body Image. Second Edition: A Handbook of Science, Practice, and Prevention Second Edition*. NY: Guilford Press, 2012.
13. Cregan K. *Key Concepts in Body and Society*. L.: SAGE, 2012. 213 p.
14. Denham M. A., Onwuegbuzie A. J. Beyond words: Using nonverbal communication data in research to enhance thick description and interpretation // *International Journal of Qualitative Methods*. 2013. № 12. P. 670–696. DOI: 10.1177/160940691301200137
15. Featherstone M. *Body, Image and Affect in Consumer Culture* // *Body&Society*. 2016. Vol. 16 (1). P. 193–221.
16. Giardina M. D., Donnelly M. K. (eds.). *Physical Culture, Ethnography, and the Body: Theory, method, and praxis*. London: Routledge, 2018. 248 p.
17. Grahn K. Youth athletes, Bodies and Gender: Gender constructions in textbooks used in coaching education programs in Sweden // *Sport Education and Society*. Aug 2014. URL: https://www.researchgate.net/journal/1470-1243_Sport_Education_and_Society (data obrashheniya: 30.09.2020).

18. Howson A. *The Body in Society: An Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2013. 252 p.
19. Krawczic Z. *Physical Culture from the Perspective of Values: A General and Selective Approach to Physical Culture* // *Intern. Review for Sociology of Sport*. 1988. V. 23 (2). P. 36–45.
20. Naul R. *Concepts of Physical Education in Europe* // *Physical Education: Deconstruction and Reconstruction*. Schornd, 2003. P. 35–52.
21. Newman J. I., Holly T., David A. (eds.) & 22 more. *Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2020.
22. Roberts D. *Modified People: Indicators of a Body Modification Subculture in a Post-Subculture World* // *Sociology*. 2014. Vol. 49 (6). P. 1096–1112.
23. Somit A., Peterson S. A. *Biology and Political Behavior: The Brain, Genes and Politics*. Cheltenham: Ed. Elgar Publ., 2017. 560 p.
24. Thiel A., John J., Frahsa A. *Qualitative Interviews in Sport and Physical Activity Research — do not forget the body* // *Europ. Journal for Sport and Society*. 2019. Vol. 16 (1). R. 1–4. DOI: 10.1080/16138171.2019.1616423

I. M. Bykhovskaya

Physical Culture as Body Culture: Anthropological Counterpoint of Natural and Social

The article considers the relationship between the concepts of “physical culture” and “body culture”; the peculiarities of interaction of the natural body of a person with social and cultural influences on it are revealed, which causes the emergence of the so-called “social” body and the “cultural” body. The criteria for distinguishing these modes of existence of a “person of bodily nature” are identified, as well as an analysis of certain modern bodily practices, as well as problems arising from the increasing possibilities of influencing the physical/bodily nature of a person.

Keywords: physical culture; body culture; bodily practices; body transformations; anthropological discourse.